19. РАКИТА.

Въ Глуховскомъ уѣздѣ, на самой границѣ Орловской и Черниговской губерніи, стоитъ надъ большой дорогой одинокая ракита.... Проѣзжая, крестьяне смотрятъ на нее съ умиленіемъ и страхомъ, иной даже мимоходомъ снимаетъ шапку и крестится. — Ракита эта полита невинною кровью, оттого она и шумитъ такъ, сказалъ ямщикъ, котораго я спросилъ, отчего онъ глядя на нее перекрестился. Эта ракита выдала душегубца, услышавъ плачъ праведнаго, и сотворила безсловесный судъ!

Наши орловскіе мужики, продолжалъ ямщикъ, ходятъ подъ Глуховъ на работу, жнутъ, молотятъ, косятъ; временемъ, бываютъ у нихъ заработки хорошіе; а какъ иному не задастся, либо кто больно обрадуется вольному вину, которое тамъ дешево, тотъ придетъ ни съ чѣмъ. А ни съ чѣмъ–то притти досадно; вотъ инаго

зависть–то мучитъ, а одного, вишь, и грѣхъ попуталъ.

На селѣ у насъ было два парня, оба хорошіе ребята, а ужъ одинъ, Андрей — душа человѣкъ. И работящій, и смышленый, не то чтобъ развѣсивъ уши, ходилъ, и работа у него подъ руками горитъ; подушныя уплачивалъ всѣ сполна, хоть и было ему тяжеленько, три души на нихъ, а все малый да старый, и работникъ онъ одинъ. Другой Филиппъ, такъ–бы ничего себѣ парень здоровый, и коса изъ рукъ не валилась, да мотоватъ маленько, и ужъ мы всѣ его знали, что куда охочь былъ погулять: ничего не пожалѣетъ, а и пуще того, коли гдѣ замѣшаются дѣвки.

Вотъ Филиппъ–то и ходилъ одно лѣто на заработки къ сосѣдямъ нашимъ, къ хохламъ, да и воротился, какъ пошелъ, въ лаптяхъ да въ зипунишкѣ, а за пазухой ничего. Вотъ ужъ онъ тутъ какъ ни придумывалъ, какъ ни отпирался дома, а ужъ извѣстно, этихъ концовъ не схоронишь; знать было по всему, да и слухи прошли послѣ объ этомъ, что просто

гулялъ, да и прогулялъ все. Старику стало не подъ силу, его за подушное потянули на расправу, а сынъ–то гляди да казнись.

На другое лѣто, Филиппъ опять пошелъ на работу съ косой и отецъ крѣпко ему наказывалъ, чтобъ приносилъ деньги сполна, не то бѣда ему будетъ. Не стану, говоритъ, больше за тебя отвѣчать, самъ тогда ступай въ волость и раздѣлывайся. Теперь послѣднюю корову продалъ, на меня не надейся; а ты учись да казнись, глядя на Андрея, тотъ всю семью кормитъ и оплачиваетъ — а ты что? — Иди же съ Богомъ, съ нимъ вмѣстѣ, да смотри, чтобъ принесъ ты не меньше его!

Не въ первый разъ упрекали Филиппа Андреемъ, и ему это было досадно. Собрались они вдвоемъ и пошли вмѣстѣ, а отецъ Филиппа еще таки проситъ Андрея и въ поясъ ему кланяется: Сдѣлай милость, братецъ, побереги у меня сына, да не давай ему гулять, вотъ тебѣ при добрыхъ стороннихъ людяхъ, всю отцовскую власть надъ нимъ отдаю въ руки: бей его, учи его,

да пожалуста держи въ рукахъ, чтобъ не моталъ.

Пошли. Извѣстное дѣло, чтожъ одинъ молодой парень сдѣлаетъ надъ другимъ, хоть бы вотъ и въ глазахъ его сталъ дурить? Ну, скажетъ ему разъ, другой — добро послушается, а нѣтъ — такъ что онъ надъ нимъ сдѣлаетъ?

Андрей скоро нашелъ себѣ работу, да тутъ и остался; его ужъ знали въ околодкѣ тамъ, что эдакаго косца поискать. Филиппъ пошелъ дальше въ сторону, какъ говорилъ къ знакомому хозяину, а по пути думалъ еще собрать кой–какіе должишки. Онъ, какъ, лѣто–сь, загулялъ да растерялъ всѣ денежки, такъ и въ займы давалъ, а о томъ не думалъ, каково будетъ собирать ихъ: берутъ руками, отдаютъ ногами.

Прошло лѣто, кончились покосы, пора и домой. Вотъ Андрей только–что сталъ собираться, глядь и Филиппъ тутъ. — Здравствуй братъ! — Здорово. — Что какъ живешь? — Ничего, слава Богу; ну а ты? — Да и я тоже.... и замолчалъ. А у него такое тоже, что нѣтъ опять ни гроша;

заработалъ–ли, нѣтъ–ли, за воротъ спустилъ довольно; а тамъ пол–лѣта прошатался по жидамъ, долги собиралъ; одного не собралъ, другое растерялъ и остался ни съ чѣмъ.

На прощанье, хозяинъ Андрея накормилъ ихъ обоихъ, по тамошнему, и вина поставилъ: одинъ не пьетъ, такъ другой не прольетъ. Поѣли, встали помолились, поблагодарили хозяевъ и пошли въ путь.

Вотъ Андрей и сталъ говорить: — Домой придемъ, денегъ принесемъ, подушное уплатимъ, да съ Богомъ и женимся; пора. И взяла тутъ кручина Филиппа, и сталъ онъ спрашивать Андрея, по правдѣ, сколько денегъ онъ несетъ домой?

— Сотенку принесу.

— Вправду такъ?

— Да какъ же вправду, коли она, вотъ у меня тутъ, въ бумажникѣ, на гайтанѣ; а у тебя много–ли?

— Чего, братъ, много–ли — и всего–то цѣлковыхъ съ два остались, да и тѣ видно на грѣхъ уцѣлѣли.

— Какъ такъ, Филиппъ?

— Да такъ; больше нѣтъ — а и этихъ видно беречь не куда, ими дѣла не поправишь. Жиды обманули, должка не заплатили; хозяинъ не отдалъ денегъ, велѣлъ на тотъ годъ опять приходить; а тамъ, работы не нашелъ, да еще нездоровилось что–то....

— Эхъ, братъ Филя, видно самъ ты себя обманываешь, а не жиды. Плохо же, братъ, дѣло наше; что теперь отецъ твой скажетъ, что скажутъ въ волости, и что всѣ добрые люди? А подушное–то кто заплатитъ? Опять за тебя отца на расправу потянутъ — плохо, братъ.

— Ужъ не зимовать же мнѣ тутъ, сказалъ Филиппъ, не миновать того, что домой итти; что будетъ, то будетъ. А лукавый сталъ мучить Филиппа; молчитъ все, да думу думаетъ; что ближе подходятъ, то страшнѣе ему домой показаться, а пуще вмѣстѣ съ Андреемъ, который несетъ домой полный бумажникъ. Вотъ и сталъ онъ приставать къ нему:

Подѣлись, говоритъ, дай взаймы половину, я отдамъ!

— Дурака ты нашелъ, говоритъ ему Андрей, чтобъ я тебѣ трудовыя денежки свои взаймы отдалъ; тутъ плясовыхъ да бражныхъ нѣтъ ни копейки, все трудовыя, да потовыя. Братъ–не–братъ, говорится, а въ мой горохъ не лѣзь; что у тебя руки, то и у меня, — вѣкъ на себя работалъ. У меня тоже отецъ дома и семья.

Прошли они еще сутки трои, либо четверы вмѣстѣ, подошли уже къ самой границѣ своей губерніи и сѣли вмѣстѣ отдыхать подъ эту самую ракиту; поѣли хлѣбца, запили водицей, помолились и уснули. Филиппъ первый проснулся и глядитъ на товарища: спитъ. Оглянулся Филиппъ кругомъ — все пусто, глухо, никого не видно; глянулъ опять на Андрея, у котораго сто рублевъ за пазухой, привсталъ на колѣни, взглянулъ на себя, будто чего ищетъ, — нѣтъ ничего, нечѣмъ и извести бѣднаго Андрея.... Однако, видно сатана находчивъ: Филиппъ закинулъ Андрею на шею опояску и задушилъ его....

— Богъ тебѣ судья, прохрипѣлъ Андрей на отходѣ, нѣтъ тутъ свидѣтеля, а вотъ ракитовый кустъ этотъ видитъ насъ; онъ заговоритъ и изобличитъ злодѣйство твое.

Прошло года два; Андрей пропалъ безъ–вѣсти, и никто на Филиппа не думалъ, никакого оговора на него не было. Филиппъ не вдругъ выказалъ деньги, женился и зажилъ домкомъ. Сталъ онъ торговать по мелочамъ, какъ не охотникъ до крестьянскихъ работъ, люди знали, что тесть у него человѣкъ съ достаткомъ, изъ другой деревни, такъ никто и не дивился, что сталъ Филиппъ разживаться.

Вотъ на праздникахъ, у жениныхъ родныхъ, сватовъ и сватьевъ Филиппа, была какая–то погулка; принарядившись, сѣлъ онъ съ женою на тележку и поѣхалъ туда. Дорога, до повороту, была та самая, по которой Филиппъ съ Андреемъ хаживали въ Глуховъ; увидавъ одинакую ракиту, Филиппъ и вспомнилъ прошлое, бѣдность свою и богатство работящаго Андрея, которое его столько мучило завистью. Теперь, подумалъ онъ, что мнѣ

Андрей, а я вотъ мужикъ съ достаткомъ. Подумавъ это, Филиппъ и поглядѣлъ на ракиту, усмѣхнулся, а тамъ у него и сорвалось съ языка: Что молчишь? Говори, не боюсь!

— Кто молчитъ? Чего не боишься? спросила хозяйка.

— Нѣтъ, ничего, я такъ, про себя.

Однакожъ Филиппъ что–то долго не сводилъ глазъ съ ракиты, покуда не проѣхалъ ее, а тамъ опять усмѣхнулся и махнулъ рукой. Хозяйка замѣтила это и пристала къ нему.

— Скажи, говоритъ, чего ты глядѣлъ на ракиту? Что у тебя тутъ было? Видно одной только женѣ и нельзя этого сказывать? Скажи, сдѣлай милость, голубчикъ; не скажешь, такъ ей–ей всѣмъ людямъ буду говорить про это дѣло, буду стыдить тебя....

Ну пристала безотвязно, какъ бабы пристаютъ. Либо Филиппъ, на праздникъ ѣдучи, ужъ хмеленъ былъ, либо не зналъ еще, что не всякую правду велятъ женѣ

сказывать, хозяйка кончила таки тѣмъ, что своего допыталась.

— Молчи, говоритъ Филиппъ, дура — экъ загорѣлось: Андрей–то тутъ, подъ ракитой! Дѣло прошлое, я его въ тѣ поры тутъ уходилъ, а онъ послался на нее, на ракиту, что она выдастъ меня; ну, я теперь, глядя на нее, и разсмѣялся; стоитъ какъ стояла, а ужъ вотъ четвертый годъ пошелъ тому дѣлу.... Да смотри, молчи!...

Пріѣхали они вмѣстѣ къ жениной роднѣ на пиръ, гуляли весь день, до вечера. Тутъ хозяйка Филиппа, хоть и сама хмельная, да еще въ памяти, вспомнила, что пора домой, къ малымъ дѣткамъ; при томъ и хозяинъ ея ужъ крѣпко подгулялъ и нѣсколько разъ принимался буянить, и она, зная его обычай, видѣла, что и его до грѣха надо везти домой. Филиппъ и слышать этого не хочетъ, въ охотку разгулялся; она пристала къ нему, сперва стала просить, тамъ перебраниваться съ нимъ, а наконецъ, подошла и стала тащить его, напустившись бранью, какъ горохомъ. Мужъ не стерпѣлъ такой обиды, что при чужихъ людяхъ жена

вздумала имъ такъ помыкать, къ тому–жъ у него въ головѣ дуракъ сидѣлъ, онъ принялся ее колотить, да сволокъ съ головы платокъ и потащилъ ее за космы. Она, вырвавшись отъ него, простоволосая, со злости ужъ и себя не помнила; принявшись кричать и браниться и попрекать мужа всѣмъ, что могла насчитать и припомнить, проговорилась: Что–де ты, мошенникъ эдакой, и меня убить хочешь, какъ Андрея, котораго зарылъ подъ ракитой....

Слово не воробей, вылетитъ — не поймаешь. Всѣ люди слышали, что Филиппова хозяйка сказала; пошла молва, пошелъ говоръ на весь міръ, вотъ ихъ и потянули къ допросу. Сперва оба, опомнившись, стали зарекаться — знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ; а какъ пошли съ понятыми подъ ракиту, да вырыли кости бѣднаго Андрея, и шляпу, и кафтанъ его признали, такъ Филиппу некуда дѣваться стало, хоть объ стѣну головой. Филиппа сослали, а ракита стоитъ, говорятъ, и понынѣ на глуховской дорогѣ, и народъ,

проѣзжая мимо, крестится и творитъ молитву за душу Андрея.